

УДК 340.13

Взаимосвязь императивных норм и норм-запретов в механизме правового регулирования

Торчилин К.Е.

Помощник судьи Тамбовского областного суда

В статье последовательно и подробно исследованы видовые отличительные признаки норм-запретов, рассмотрены особенности структурных, функциональных и формально-логических связей между императивным методом и запрещающим способом правового регулирования в позитивном праве России.

Ключевые слова: теория правовых норм, нормы права, императивный метод правового регулирования, запрещающий способ правового регулирования, императивные нормы права, нормы-запреты.

Запрет как способ регулирования поведения определенного субъекта исторически занимал особое место в регламентации всего многообразия социальных отношений. Обращение к специализированной научной и учебной литературе, а также сопоставление предметных доктринальных взглядов показывают устоявшийся характер знаний о том, что уже на наиболее ранних, догосударственных этапах развития человеческого общества, характеризовавшихся наличием единого источника упорядочивания всего множества общественных отношений (в том числе правовых, морально-нравственных, культурных и религиозных) – мононорм, именно запрет не только являлся ведущим способом регулирования всех этих отношений [1, с. 31; 2, с. 12-13; 3, с. 18; 4, с. 55], но и предшествовал возникновению позитивных обязываний и дозволений [5, с. 24].

Длительный и нелинейный генезис институтов государства и права в нашей стране сопровождался пересмотром отдельных представлений о пределах юридических запретов, которые могут быть установлены публичной властью. Важность этого сложного и нелинейного процесса достаточно велика, и здесь уместно привести суждение А.В. Малько о том, что «... история права, правового развития того или иного общества – это во многом история запретов, их установления, изменения и отмены» [6, с. 4]. Отчасти характеризуя данный процесс в нашей стране в контексте осмысления социальной роли и ценности норм-запретов, отметим, что на исторических эта-

пах существования монархической формы правления субъект, обладающий высшей государственной властью, не обременялся какими-либо правовыми ограничениями и мог по своей воле устанавливать любые общеобязательные запреты. Широту правотворческих полномочий монарха может наглядно проиллюстрировать выборочный анализ норм правовых памятников Русского царства и Российской империи, содержащих множество архаичных запрещающих предписаний, выражающих в числе прочего разные формы дискриминации и в особенности – сословное неравенство. Например, предписания Указа Екатерины II от 22 августа 1767 г. под угрозой телесного наказания и вечной каторги категорически запрещали крестьянам жаловаться на всякие неправомерные действия помещиков [7, с. 335-336]. Положения Высочайшего рескрипта Николая I от 19 августа 1827 г. строго запрещали прием на обучение в университеты и другие казенные и частные высшие учебные заведения крепостных крестьян и иных лиц несвободных состояний [8, с. 675-677]. Еще более показательным в данном контексте выступает то обстоятельство, что до издания Манифеста от 17 октября 1905 г. [9, с. 41] существовал общий запрет на собрания, организацию и деятельность союзов и политических партий [10, с. 457].

Хронологически более поздние периоды государственно-правового строительства, в условиях смены формы правления, изменений политического режима и экономического строя, ознаменовались реализацией публичных интересов в обращении

ряда прогрессивных запретов непосредственно к самому властному субъекту, а также постепенным сужением и конкретизацией сфер правового регулирования, в которых законодатель может использовать запрещающий метод.

Становление и функционирование международных межправительственных организаций, интенсивное развитие положений теории естественного права и закрепление неотчуждаемых прав и свобод человека в общепризнанных международных нормах, а также в Конституции России, ориентирование внутренней политики нашей страны на создание необходимых условий для формирования институтов гражданского общества и правового государства привели к качественно иному правовому положению органов государственной и муниципальной власти и должностных лиц. В описанных условиях статусу последних имманентно подчинение множеству общих и специальных правовых предписаний, в объеме которых особое место занимают нормы-запреты.

Адресованные органам законодательной, исполнительной и судебной власти запреты выступают необходимым средством охраны и защиты правопорядка, а также поддержания конституционного строя, однако в контексте выделенных ранее особенностей важно, что именно совокупность норм-запретов предъявляет субъекту правотворчества ряд продиктованных концепцией правового государства требований: не издавать правовых норм, не соответствующих Конституции РФ, принципам права, а также правовым предписаниям, обладающим большей юридической силой (ч. 1 ст. 15, ч. 3, 5 ст. 76, ч. 3 ст. 90 Конституции РФ [11]). Так, запреты диспозиций ч. 1-3 ст. 135 Конституции РФ [11] исключают возможность изменений, в том числе – установления каких-либо дополнительных ограничений и запретов в таких областях правового регулирования, как основы конституционного строя, а также конституционные права и свободы человека и гражданина.

Не менее важным выступает общее правило, выраженное в запрещающей диспозиции ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, задающее требование к содержанию исчерпывающего множества норм федеральных законов РФ, а также всех правовых предписаний нижестоящих в иерархии нормативных актов источников. В соответствии с названной нормой, «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [12].

Приведенные в качестве примеров, а также иные рефлексивно обращенные к публичной власти запрещающие предписания, не позволяя субъектам

правотворчества использовать запрещающий метод способами, связанными с ограничением, ущемлением и умалением естественных прав, а также свобод и законных интересов физических лиц и организаций, выступают юридической гарантией недопущения возможных злоупотреблений публичной властью и создают тем самым необходимые условия для развития гражданского сознания и гражданского общества.

Особую важность имеет и то обстоятельство, что не только в международных, но и в национальных источниках права нашел закрепление общеправовой демократический принцип «разрешено все, что не запрещено законом» [13, с. 203-218] (ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 45 Конституции РФ [11], ст. 18, п. 1 ст. 49 ГК РФ [14], п. 1 ст. 13 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [15], ч. 4 ст. 2 ФЗ «Об акционерных обществах» [16]). Названное концептуальное начало, по существу, изменило соотношение дозволений и запретов в отечественном позитивном праве, обусловив безусловное количественное превалирование дозволений: если исчерпывающий круг запретов содержится в действующих правовых нормах, то к разрешенным, помимо прямо предусмотренных юридическими предписаниями, относятся также любые модели поведения субъекта, прямо не запрещенные нормами права. Здесь также вызывает интерес позиция председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, который полагает, что приведенное концептуальное начало адресовано лишь частным лицам, в то время как специальные субъекты – представители публичной власти в своей деятельности должны руководствоваться иным принципом: «запрещено все, что прямо не разрешено» [17, с. 28]. В нем В.Д. Зорькин усматривает логическое развитие установленного Конституцией РФ приоритета прав человека как высшей ценности и указывает, что «при трактовке конституционного текста надо ориентироваться на выявление дополнительных гарантий прав человека, а не дополнительных оснований для ограничения этих прав» [17, с. 28].

Подчеркивая значимость норм-запретов для механизма правового регулирования и их имманентность всякой правовой системе, укажем, что в условиях усложнения общественных отношений и интенсивного реформирования действующего законодательства существенно актуализируется потребность в концептуальном обосновании правотворчества. При этом малый объем фундаментальных исследований запрещающих норм, длительное отсутствие работ, связанных с переосмыслением и развитием этих знаний, а также фактическая неизученность важного комплекса вопросов, затрагивающих соотношение запрещающего способа с императивным методом правового регулирования, образуют обширные пробелы в знаниях, которые способны существенно сказаться на качестве право-

вого регулирования, в том числе в таких формах, как ограничение естественных и конституционных прав и свобод вследствие издания норм-запретов.

Характеризуя в целях содействия устранению обозначенной проблематики необходимые и устойчивые признаки норм-запретов, прежде всего укажем, что способ правового регулирования, используемый также в качестве классификационного критерия выделения управомочивающих, обязывающих и запрещающих правовых норм, по существу, предопределяет целевое назначение, характер содержания и функциональный потенциал каждого из названных видов норм права. Таким образом, именно использование и выражение в правовом предписании запрещающего способа регулирования правоотношений закономерно выступает основополагающей отличительной особенностью рассматриваемого вида норм. Также важно указать, что внесшие самый значительный вклад в осмысление запрещающих норм права на монографическом уровне С.С. Алексеев, Н.Н. Рыбушкин и А.Г. Братко солидарны во мнении о том, что анализируемая разновидность выступает единственной формой выражения названного способа регулирования общественных отношений в праве. В частности, А.Г. Братко в хронологически одной из первых специализированных монографий [18, с. 11-12] указывает, что «...конкретное сочетание способов правового регулирования, которое находит свое выражение в содержании диспозиции, не произвольно. Оно обусловлено характером поведения, регулируемого правовой нормой. В тех случаях, когда правовая норма регулирует недопустимое поведение, основным содержанием диспозиции становится запрет, что и является причиной “обособления” ее в самостоятельный вид правовой нормы – норму-запрета» [19, с. 23]. С.С. Алексеев, усматривая исчерпывающие формы «...объективизации юридических запретов...» [5, с. 51] в запрещающих нормах и нормативных положениях об ответственности, констатирует, что вне данных форм «...юридических запретов нет» [5, с. 51]. Такую же точку зрения по данному вопросу высказывает Н.Н. Рыбушкин, указывая, что «Запрет как средство в структуре метода правового регулирования используется законодателем только в запрещающих нормах права при формировании их диспозиций» [20, с. 12-13].

Соглашаясь с приведенными доктринальными воззрениями, считаем возможным дополнить их некоторыми уточнениями. На наш взгляд, помимо правил поведения, закрепленных во всем многообразии видов нормативных правовых актов, запрещающий способ правового регулирования также может быть использован и в положениях такого специфического источника права России, как международный договор (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [11]), а также в предписаниях обычаев (ст. 5 ГК РФ [14]).

Кроме того, особенности отечественной правовой системы обуславливают возможность реализации запрещающего способа правового регулирования в решениях Конституционного Суда РФ по вопросам толкования Конституции РФ, а также в связи с исполнением иных полномочий (ст. 3, 6 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [21]).

Принимая во внимание многообразие источников права России, а также учитывая широту логического объема категории «правовая жизнь» [22, с. 176-178], имеются основания утверждать, что вопросы о формах выражения запретов в отечественном позитивном праве заслуживают самостоятельного осмысления, однако приведенные положения показывают масштабы сферы применения запрещающего метода правового регулирования в праве, которые не ограничиваются нормативными правовыми актами.

При значимости рассмотренного признака укажем на то, что, наряду с родовыми признаками всякой правовой нормы, он не образует достаточных предпосылок для умозаключений о соотношении и характере взаимодействия императивных норм и запретов в праве. Последовательно продолжая характеристику, укажем, что, наряду со способом правового регулирования, ключевые отличительные особенности запрещающих норм права связаны также со спецификой регламентируемого ими предмета. В данном контексте надлежит подчеркнуть, что содержащийся в правовом предписании запрет может выражаться как в форме лишения права заниматься определенной деятельностью [20, с. 9], так и в форме возложения на адресата обязанности не нарушать установленных нормой ограничений [5, с. 48], и такая частичная общность способа правового регулирования несколько сближает обязывающие и запрещающие нормы. Вместе с тем их четкое разделение по рассматриваемому критерию предмета не представляет труда: если обязывающие нормы всегда регламентируют модели должного, правомерного поведения субъектов общих и индивидуальных правоотношений, то запрещающие нормы определяют только те действия и бездействия, которые являются противоправными, причиняющими вред общественным отношениям и при определенных условиях влекущими для реализовавшего диспозицию запрещающего предписания лица некоторые неблагоприятные последствия, в том числе в форме юридической ответственности [23, с. 171]. Как отметил по этому поводу Н.Н. Рыбушкин, «Запрет как специфическое средство правового регулирования присутствует только в той норме, которая призвана вытеснить вредные общественные отношения, как уже существующие, так и предполагаемые» [20, с. 9]. Такой же точки зрения придерживается В.С. Ем, указавший, что «...обязанности,

порождаемые запретами, по своей правовой природе означают юридическую невозможность совершения действий, наносящих ущерб интересам государства, коллектива, личности» [24, с. 70]. Аналогичная позиция прослеживается в утверждении А.Г. Братко о том, что «Запрет устанавливает юридическую обязанность воздержаться от противоправных действий, поэтому содержание запрета заключается в указании на поведение, которое недопустимо с точки зрения интересов общества и государства» [19, с. 10].

Проведенный анализ специфики предмета и способа правового регулирования выявляет содержание ключевых особенностей запрещающих норм права. Вместе с тем прежде чем переходить к осмыслению прочих свойств данного вида правовых норм, надлежит указать об обстоятельстве, особенно значимом для проводимого исследования. Речь идет о том, что в немногочисленных специализированных фундаментальных научных работах императивность нашла трактовку в качестве имманентного признака рассматриваемой разновидности правовых норм.

Здесь уместно сослаться на выводы Н.Н. Рыбушкина, констатировавшего, что «Диспозиция запрещающей нормы отличается категоричностью, безусловностью. В ней выражен властный императив, запрещающий любое от него уклонение. Это также одна из особенностей диспозиции запрещающей нормы» [20, с. 31]. Показательны в данном контексте умозаключения В.С. Ема о том, что «Запрет выступает как властный императив, указывающий на недопустимость объективно возможного общественно-вредного действия (поведения)» [24, с. 70]. Примечательна развернутая позиция С.С. Алексеева, указавшего, что «...всякий запрет в праве – юридическая обязанность. И с этой стороны для запретов, в принципе, характерно все то, что свойственно юридическим обязанностям вообще (принципиальная однозначность, императивная категоричность, непререкаемость, обеспечение действенными юридическими механизмами)» [5, с. 48]. А.Г. Братко по результатам специализированного исследования определил правовой запрет как «...обусловленное социальной необходимостью государственно-властное, императивное веление, указывающее на обязанность лица воздерживаться от действий, причиняющих существенный вред интересам личности и общества» [19, с. 88].

Подход к пониманию сущности запрещающих норм права, явно следующий из приведенных доктринальных взглядов, мог бы послужить предпосылкой в обоснование умозаключения о том, что соотношение между императивными нормами и запретами в праве выражено в подчинении понятию «императивная норма права» понятия «норма-запрет» или «запрещающая норма права». Отсюда следовало бы, что всякий запрет в позитивном праве может быть выражен только в императивном право-

вом предписании, а само использование запрещающего способа регулирования правоотношений можно было бы рассматривать в качестве исключительной формы реализации императивного метода правового регулирования. Вместе с тем подобные умозаключения были бы преждевременными, недостаточно аргументированными и не раскрывающими в полной мере соотношения и механизм взаимодействия императивных норм и запретов в современном российском праве.

В первую очередь обратим внимание на то, что императивный характер норм-запретов в некоторых правоотношениях находит весьма специфичную трактовку в сложившейся правоприменительной практике. Например, в разъяснениях, данных в п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» [25], судам рекомендуется при применении императивных норм, запрещающих соглашение сторон об ином, руководствоваться целями законодательного регулирования, которые могут допускать ограниченное толкование таких запретов: суд может признать, что такая норма-запрет исключает лишь соглашения сторон о таких условиях, которые ущемляют интересы стороны, на защиту которой направлена норма. При этом вопреки императивному характеру такие запреты могут трактоваться судом допускающими соглашения сторон, хоть и отклоняющиеся от правил запрещающего предписания, но улучшающие положение той стороны соглашения, с защитой которой связаны цели правового регулирования.

Отмечая, что названная позиция правоприменителя заслуживает подробного осмысления в специализированном исследовании, укажем на еще более значимое для исследования обстоятельство: формально-юридический анализ источников национального частного права выявляет наличие ряда предписаний, содержащих диспозитивные запреты. Примерами таких запретов могут выступать правила п. 7 ст. 187, п. 5 ст. 395 [14], п. 2 ст. 682 ГК РФ [26], позволяющие по соглашению сторон не применять закрепленный в норме запрет в конкретном правоотношении. Сама допустимость установления таких неимперативных запретов ограничена, что явно следует из предписаний ч. 1 ст. 34, ч. 2 ст. 35 Конституции РФ [11], а также п.п. 1, 2 ст. 1, п.п. 1–4 ст. 421 ГК РФ [14]: такие запреты свойственны частному праву, они должны отвечать сущности регулируемого правоотношения, быть направлены на обеспечение законных частных интересов, не нарушать иных требований закона, не создавать угрозы злоупотребления правом, заключения сделки на крайне невыгодных для одной из сторон условиях. Но вместе с тем сам факт их существования вносит существенные корректировки в понимание логической взаимосвязи запретов и императивных норм в позитивном праве.

Продолжая исследование, отметим, что рекомендательный и поощрительный методы правового регулирования по своей природе не пригодны к выражению норм-запретов национального права России. В обоснование высказанного суждения укажем, что отступление от тех моделей поведения, на которые ориентируют участников правоотношений такие нормы, не влечет неправомерность соответствующих действий субъекта. Таким образом, предмет регулирования рекомендательных и поощрительных норм национального права не обладает отличительными признаками, свойственными предмету норм-запретов. Однако при этом можно констатировать, что рекомендательный метод правового регулирования находит использование для выражения запретов в источниках международного права (например, – п. 2 Рекомендаций МОТ от 24 июня 1936 г. № 47 [27], пп. 2 Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 [28], п. 6 раздела «С» приложения 1 к Конвенции о дорожных знаках и сигналах [29]). С учетом специальных процедур имплементации таких норм в отечественную правовую систему, имеются основания для умозаключения об опосредованном характере влияния рекомендательных норм на общий объем норм-запретов, так как выраженные в них рекомендации, при наличии ряда других условий, выступают основанием и предпосылкой для издания обладающих меньшей юридической силой, но обязательных для определенных субъектов управомачивающих, обязывающих и запрещающих норм [30, с. 438].

Обобщая изложенные положения, представляется возможным утверждать, что в контексте рассматриваемого признака императивные и диспозитивные нормы предстают совместимыми перекрещивающимися понятиями [31, с. 438], область частичного совпадения объемов которых в числе прочего включает исчерпывающий объем норм-запретов правовых актов национального права. Вместе с тем при более подробном исследовании, связанном с отраслевой дифференциацией запрещающих норм, данная общая оценка может быть скорректирована применительно к каждой отрасли права и выражать другой характер формально-логических связей понятий «норма-запрет» и «императивная норма».

Рассмотрев дистинкцию норм-запретов на императивные и неимперативные, целесообразно перейти к осмыслению другого признака запрещающей нормы: ее обеспечения возможностью применения к нарушителю мер государственного принуждения [32, с. 92; 19, с. 26; 33, с. 115].

Констатируем, что в отечественной теории государства и права анализируемый признак рассматривается закономерно присущим всякой правовой норме [1, с. 269; 34, с. 242-243; 35, с. 372], что актуализирует поиск отличительных особенностей этого

общего родового признака, проявляющихся только в нормах-запретах.

Отмечая существование полемики взглядов российских правоведов на типологию самих мер государственного принуждения [36, с. 54-57], считаем возможным для целей исследования использовать классификацию, предложенную В.В. Лазаревым и С.В. Липенем, предполагающую выделение четырех разновидностей таких мер принуждения, а именно мер предупредительного воздействия, мер пресечения, мер защиты (или восстановительных мер) и мер юридической ответственности [37, с. 354].

Анализ и сопоставление доктринальных позиций позволяют утверждать, что реализация мер предупредительного воздействия не связывается правоведом с юридическими фактами – нарушениями норм-запретов, а видится ими направленной лишь на профилактику отклонения от правовых предписаний [38, с. 408]. В свою очередь, меры пресечения, хотя и применяются именно в связи с совершением запрещенного деяния, имеющего признаки правонарушения или преступления [37, с. 354], но, по мнению О.Э. Лейста, являются лишь мерами надзора и контроля за соблюдением юридических норм, «...которые носят властный, принудительный характер, но не являются осуществлением санкций» [39, с. 30]. Применение третьей из выделенных мер государственного принуждения обладает специфической, обусловившей трудности разграничения мер защиты и мер юридической ответственности [40, с. 90-96]. Проблематика производна от того, что юридические основания для использования мер защиты правоведы усматривают в совершении лицом правонарушения, обладающего минимальной общественной опасностью, а также в совершении отдельных действий, наказуемыми правонарушениями не являющимися, но влекущими некоторые юридические последствия [37, с. 355].

То обстоятельство, что меры защиты, в предусмотренных законодательством случаях, могут выступать мерой принуждения в отношении лица, нарушившего запрещающую норму, надлежит считать значимым для исследования. При этом важно также учитывать, что меры защиты, во-первых, направлены исключительно на восстановление нарушенного права [41, с. 8; 35, с. 209-210] и не выполняют карательной функции, во-вторых, выражаются в принуждении лица к исполнению ранее взятой им на себя обязанности [42, с. 243-244], в то время как меры юридической ответственности связаны с возложением на лицо новой обязанности, не обременявшей лицо в силу правового предписания или соглашения до совершения им противоправного деяния [37, с. 355]. Также, в-третьих, можно констатировать, что при широкой отраслевой дифференциации мер защиты [42, с. 243-244], а в отдельных случаях – их альтернативности (ст. 12 ГК РФ [14])

применение этих мер во многих случаях ставится законодателем в зависимость от свободного волеизъявления лица, права, свободы и законные интересы которого нарушены или находятся под угрозой нарушения.

Для характеристики данного вида мер государственного принуждения в контексте проводимого исследования особенно значима разделяемая нами позиция Т.Н. Радько. Ученый констатирует: «В нормах, закрепляющих меры защиты, превалирует императивный метод правового регулирования» [43, с. 225], отмечая при этом существование и средств защиты, правовые основания использования которых закреплены в диспозитивных нормах права и определение содержания которых зависит от усмотрения субъекта. В качестве примеров последних Т.Н. Радько называет закрепленную в ст. 12 ГК РФ [14] самозащиту гражданского права и предусмотренную ст. 37 УК РФ необходимую оборону [43, с. 225].

Характеризуя последний из выделенных видов, согласимся с Т.Н. Радько и в том, что юридическая ответственность является одной из самых существенных форм реализации охранительной функции права [43, с. 213], а также выразим мнение об объективной необходимости запрета совершения определенных деяний, сопряженного с установлением за нарушение запрета негативной юридической ответственности. Запрещающее правовое предписание, не обеспеченное данной мерой государственного принуждения, не будет выполнять карательную функцию. В свою очередь централизация на методе убеждения, а также использование мер защиты обеспечат эффективность превенции лишь ограниченного круга противоправных деяний. Такие запрещающие нормы не позволят сформировать в общественном сознании устойчивую установку на недопустимость нарушения запрета совершения деяний, криминализованных или административно-запрещенных вследствие их общественной опасности, а в случае несоблюдения запрещающего предписания – не создадут условий для восстановления социальной справедливости, нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также для оказания необходимого принудительного воспитательного и исправительного воздействия на виновное лицо.

Выразим полное согласие с позицией Д.А. Липинского и Р.А. Хачатурова о том, что «Запрет в системе способов законодательного определения уголовной, административной, финансовой и других видов ответственности имеет доминирующее значение» [44, с. 210], а также с выводами С.С. Алексева о преобладающем гарантировании запрета именно такой мерой государственного принуждения [5, с. 48]. При этом уточним, что нарушение предписания запрещающей нормы не исчерпывает оснований для привлечения лица к юридической ответственности в установленном законом порядке. Так,

С.Н. Братусь в числе соответствующих оснований аргументированно выделяет нарушение положений договора [45, с. 94-95].

Различным мерам юридической ответственности закономерно свойственны как общие (например, их реализация по результатам выполнения определенных процессуальным законодательством процедур с соблюдением требований конституционного принципа состязательности сторон [46, с. 100-102]), так и ярко выраженные отраслевые особенности, производные от задач правового регулирования определенного вида общественных отношений. Например, если гражданско-правовая ответственность носит исключительно имущественный характер [47, с. 21], то уголовная и административная ответственность представлены совершенно иными мерами наказания и воздействия, а также преследуют качественно иные цели (ч. 2 ст. 43 УК РФ [48], ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ [49]). При этом важно отметить ряд доктринальных позиций, доказывающих существование такого явления, как диспозитивная ответственность в источниках отраслей частного права [50; 51; 45, с. 76], а также обосновывающих наличие отдельных, связанных с запретами, проявлений диспозитивности в некоторых отраслях публичного права. Например, такие проявления усматриваются правоведами в возможности освобождения от уголовного наказания вследствие примирения с потерпевшим, а также в правилах, закрепленных в примечаниях к запрещающим нормам Особенной части УК РФ, выражающих изменения интенсивности пенализации преступления в форме установления оснований для освобождения от уголовной ответственности [52, с. 157-180]. Также укажем, что последняя приведенная позиция не лишена дискуссионности. Так, А.В. Сумачев усматривает в примечании к ст. 122 УК РФ обстоятельство, исключающее преступность деяния, выраженное в норме, имеющей императивный характер [53, с. 156].

Подводя итог, констатируем, что различные предписания, выраженные в дифференцированных источниках права России, могут быть обеспечены разнообразными мерами государственного принуждения. Абстрагируясь и централизуя внимание только на одном источнике – нормативных правовых актах, представляется возможным сделать умозаключение о том, что из всего множества разновидностей выраженных в них правовых норм только нормы-запреты обеспечены возможностью применения к нарушителю мер юридической ответственности. Как следствие, еще одна отличительная особенность запрещающих норм связана с тем, что только в их санкциях находят закрепление качественные и количественные характеристики конкретных неблагоприятных правовых последствий, образующих формально-логический объем юридической ответственности.

В свою очередь отличительными особенностями императивных запрещающих норм, помимо специфики метода правового регулирования, выступают и особенности регламентируемого предмета. Последний выражен в общественных отношениях, исключение и предупреждение возникновения которых обусловлено публичными интересами, исключая отклонение от необходимых моделей поведения.

Завершая характеристику, укажем, что выделенные и рассмотренные нами существенные отличительные признаки не исчерпывают особенностей норм запретов. В числе прочих свойственных им видовых признаков правоведы также выделяют, например, особую форму реализации запрещающих норм – соблюдение [5, с. 48], а также специфику юридической техники нормы-запрета, выраженную в ее строгой формальной определенности [5, с. 50]. Вместе с тем рассмотренные положения позволяют сделать ряд умозаключений о соотношении и механизме взаимодействия императивных норм и запретов в российском праве:

1. Юридические запреты представляют собой неотъемлемый элемент позитивного права России, в котором находит нормативное выражение множество важнейших форм реализации охранительной функции права, по объективным причинам необходимых для обеспечения стабильности всей правовой системы, нормального общественного и государственно-правового развития. Совокупность норм-запретов, обеспеченных мерами государственного принуждения в виде юридической ответственности, по существу, образует объем правовых норм, выполняющих карательную функцию. При этом все запрещающие предписания обеспечивают должную реализацию управомочивающих и обязывающих норм, предупреждая нарушения и исключая декларативность прав, свобод и обязанностей граждан, организаций и публично-правовых образований, возникновение ситуаций правовой незащищенности субъекта права.

2. Во всем формально-логическом объеме права России запрещающие юридические предписания находят выражение во множестве видов источников. С учетом отнесения нашей страны к романо-германской правовой семье закономерным предстает ведущая роль нормативного правового акта и единицы его элементарного состава – нормы права в выражении юридических запретов. Обращение к знаниям о системе права дает основания утверждать о том, что соотношению норм-запретов с императивным методом правового регулирования должны быть свойственны как общие, проявляющиеся во всем праве, так и частные закономерности. Поиск и выявление последних лежит в плоскости анализа конкретных сфер законодательного регулирования, и здесь логично утверждать, что для различных элементов системы права будут присущи дифференцированные

особенности искомым соотношений, производные от специфики целей, задач и метода правового регулирования каждой конкретной отрасли права.

3. Характеризуя общие закономерности соотношения императивных норм и запретов в российском праве, представляется возможным из указанных посылок сделать следующие умозаключения:

– императивная норма и запрещающая норма выступают разновидностями, выделяемыми в двух различных классификациях, однако в связи с тем, что императивный метод и запрещающий способ правового регулирования могут одновременно являться признаками одной нормы права, их надлежит считать соотносимыми понятиями;

– в связи с тем, что существенные отличительные признаки императивной нормы права и запрещающей правовой нормы различаются, и логические объемы названных понятий в полной мере не совпадают, между этими понятиями не имеется отношений тождества;

– формально-логический объем всего множества существующих в позитивном праве России императивных норм права не исчерпывает объема выраженных в нормативных правовых актах запрещающих юридических предписаний. Исследование установлено, что, в свою очередь, юридические запреты в праве России могут находить закрепление как в императивных, так и в неимперативных нормах. Отсюда следует, что между понятиями «императивная норма права» и «запрещающая норма права» нет отношений подчинения;

– так как значительное, но не исчерпывающее количество юридических запретов закреплены в императивных нормах права, а императивный метод используется для выражения как запретов, так и правомочий, а также обязанностей субъектов правоотношения, понятия «императивная норма права» и «запрещающая норма права» предстают перекрещивающимися. Принимая во внимание то обстоятельство, что неимперативные запреты находят ограниченное применение, преимущественно в источниках отраслей частного права, область частичного совпадения данных понятий включает значительную часть объема понятия «запрещающая норма права».

4. Установление императивных норм-запретов в праве предстает волевым действием властного субъекта, связанным с множеством обстоятельств. При этом устойчивая, необходимая, существенная и повторяющаяся связь между определенным деянием и потребностью в закреплении образующей данное деяние модели поведения в предписании именно императивной запрещающей нормы во всех отраслях российского права усматривается нами как минимум в двух значимых обстоятельствах:

– в наличии в запрещаемом деянии признака общественной опасности. По нашему мнению, только

императивные запрещающие нормы пригодны для криминализации и административно-правового запрета совершения противоправных деяний, в связи с чем уголовную и административную ответственность можно рассматривать как исключительное последствие нарушений императивных запретов;

– в наличии публичных или законных частных интересов в строгом и неукоснительном соблюдении определенных правил и исключения действий или бездействий, нарушающих либо создающих угрозу нарушения прав или свобод, а равно неисполнения либо ненадлежащего исполнения определенных обязанностей.

5. Механизм взаимодействия императивного метода и запрещающего способа правового регулирования в конкретной норме права, как существенных признаков правовой нормы, усматривается нами в комплексном взаимном дополнении, направленном на достижение в издании конкретной нормы цели правового регулирования, преследуемой властным субъектом. Способ правового регулирования предопределяет целевое назначение и задает характер смыслового содержания запрещающей нормы. В свою очередь императивный метод правового регулирования сказывается на структуре и содержании диспозиции, обуславливая обязательность и невозможность изменения выраженного в ней правила поведения, а также позволяя закрепить в санкции наиболее строгие формы государственного принуждения по отношению к нарушителю – уголовную и административную ответственность. По объективным причинам метод и способ правового регулирования, хоть и имеющие существенное значение, не исчерпывают отличительных признаков конкретной нормы права.

Литература:

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. – М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2009. – 528 с.
2. Явич Л. С. Право и социализм. – М.: Юрид. лит., 1982. – 176 с.
3. Толмачев В.В. Технично-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 173 с.
4. Вырлеева-Балаева О.С. Роль запретов в становлении государства и права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2012. – № 1 (11). – С. 55-59.
5. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1989. – 288 с.
6. Малько А.В. Запреты как средства правовой политики // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2012. – № 1 (11). – С. 3-11.
7. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. 48 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. 18: 1767-1769. – 1041 с.
8. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. 55 т. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 2. – 1561 с.
9. Манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / Отв. ред. О.И. Чистяков. – М.: Юрид. лит., 1994. – Т. 9. – 352 с.
10. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. От окончания Смуты до Февральской революции. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2010. – 688 с.
11. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
12. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 дек.
13. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 1997. – 672 с.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г. // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2017. – № 31, ч. 1. – Ст. 4808.
15. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. 29.07.2017 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 2002 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 10 июля 2002 г. // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032; 2017. – № 31, ч. 1. – Ст. 4792.
16. Об акционерных обществах: федер. закон Рос. Федерации от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. 29.07.2017 г.): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 нояб. 1995 г. // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1; 2017. – № 31, ч. 1. – Ст. 4782.

17. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013.
18. Вырлеева-Балаева О.С. К вопросу об истории исследования категории правовых запретов в отечественной юридической науке // Юридическая наука. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
19. Братко А.Г. Запреты в советском праве / Под ред. Н.И. Магузова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1979. – 92 с.
20. Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 113 с.
21. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 28.12.2016): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 июня 1994 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 12 июля 1994 г. // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447; 2017. – № 1, ч. 1. – Ст. 2.
22. Трофимов В.В., Свиридов В.В. Правовая жизнь как форма общественной жизни: к проблеме поиска социально-философских оснований исследования // Проблемы формирования нового российского права и новой российской государственности: на пути движения к «чистому золоту права»: сборник материалов I Всероссийской научной конференции. К юбилею профессора Н.А. Придворова / Отв. ред., авт.-сост. предисл. В.В. Трофимов. – Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – С. 176-185.
23. Нормы советского права. Проблемы теории / Под ред. В.К. Бабаева, М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 248 с.
24. Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1981. – 209 с.
25. О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации. – 2014. – № 5.
26. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 дек. 1995 г. // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; 2017. – № 14. – Ст. 1998.
27. О ежегодных оплачиваемых отпусках: рекомендация Международной Организации Труда от 24 июня 1936 г. № 47 // Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда. 1919-1956. Т. I. – Женева: Международное бюро труда, 1991. – С. 405-406.
28. Комитет министров – государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию: рекомендация Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 г. № R (81) 7 // Российская юстиция. – 1997. – № 6.
29. Конвенция о дорожных знаках и сигналах от 8 нояб. 1968 г. // СПС «ГАРАНТ»
30. Теория государства и права: учебник / Отв. ред. Н.Г. Александров. – М.: Юрид. лит., 1968. – 640 с.
31. Кондраков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
32. Радько Т.Н. О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. – Волгоград: НИИРИО МВД СССР. – 1969. – Вып. 1. – С. 87-98.
33. Самощенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – М.: Юрид. лит., 1971. – 240 с.
34. Вишневский А.Ф., Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. В.А. Кучинского. – М.: Изд-во деловой и учеб. лит-ры, 2006. – 656 с.
35. Теория государства и права: учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юристъ, 2003. – 592 с.
36. Штода И. С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – 156 с.
37. Лазарев В.В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Спарк, 1998.
38. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ. 2012. – 704 с.
39. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.
40. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. Теоретические проблемы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 240 с.
41. Баранов В.М. Теория юридической ответственности: лекция. – Н. Новгород: Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. – 58 с.
42. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В. В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996.
43. Радько Т. Н. Теория функций права: монография. М.: Проспект, 2014.
44. Липинский Д.А., Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 950 с.
45. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). – М.: Юрид. лит., 1976. – 215 с.
46. Курохтин Ю.А. Осуществление принципа состязательности в российском конституционном судопроизводстве: практика и пути оптимизации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 2 (46) – С. 100-108.
47. Кархалев Д. Н. Соотношение мер защиты и мер ответственности в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 180 с.
48. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр.

- Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2017. – № 31, ч. 1. – Ст. 4799.
49. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. // СЗ РФ. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1; 2017. – № 31, ч. 1. – Ст. 4772.
50. Знак М.А. Диспозитивность условий привлечения к договорной ответственности в гражданском праве // Юридический журнал. – 2008. – № 1 (13). – С. 87-92.
51. Знак М.А. Теоретические проблемы диспозитивности договорной ответственности в гражданском праве // Право и демократия. – 2008. – Вып. 19. – С. 159 – 170.
52. Карабут М.А., Сидоренко Э.Л. Частные начала в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – 212 с.
53. Сумачев А.В. Публичность и диспозитивность в уголовном праве. – М.: Юрист, 2003. – 331 с.

Interrelation of Imperative Norms and Norms-Prohibitions in the Mechanism of Legal Regulation

Torchilin K.E.
Tambov Regional Court

In the article, the specific distinctive features of prohibition norms have been consistently and extensively studied, the features of structural, functional and formal-logical links between the imperative method and the prohibitive way of legal regulation in the positive law of Russia have been considered.

Key words: theory of legal norms, rule of law, imperative method of legal regulation, prohibiting way of legal regulation, mandatory norms of law, prohibition norms.

